

Предисловие

Церковный месяцеслов обязан своим происхождением древнехристианскому Востоку: здесь он получил свое начало, здесь же он принял полную и определенную форму, в какой мы его видим в настоящую пору.

На Востоке с первых веков христианства начали вести записи важнейших церковных событий, христианских праздников, дней памяти святых угодников, они-то и послужили основой для церковного месяцеслова. Так, например, Игнатий, епископ Смирнский, в письме к лионцам просил их сообщить ему сведения о мучениках их и обещал им доставать подобные сведения о мучениках в своей области. Киприан, епископ Карфагенский, также советовал христианам замечать день кончины каждого мученика, чтобы потом ежегодно освящать дни эти общественным богослужением.

Первоначально, конечно, записи эти были очень неполны и неоднобразны, так как они составлялись по мере появления особенных событий и лиц, достойных чествования в церкви, и притом назначались в разных местах, разными лицами для частных целей отдельных местных церквей и христианских обществ. Но с течением времени представители церкви стали заботиться о том, чтобы все более или менее известные частные записи привести к надлежащей полноте и единству. Как на первое замечательное произведение в этом отношении можно указать на церковный месяцеслов, который был составлен в VII в. св. Иоанном Дамаскиным. Затем в IX в. явился другой подобный труд, также заслуживающий внимания по своей систематичности, известный под названием Менология. Труд этот приписывается одними греческому императору Василию Македонянину (867–

886 г.), а другими (и на более достоверных основаниях) — Василию Болгаробойцу, который жил и управлял империей целым веком позже первого (979–1028 г.). Император этот известен особенно деятельностью в делах церковных; он-то, по мнению лучших исследователей, и привел к единству и надлежащей полноте в своей Менологии известные до него греческие месяцесловы и синаксари.

Один из церковных латинских писателей XVII в., Лев Аллаций, говоря о состоянии церковного месяцеслова в эту эпоху, замечает, «что в X в. Греция имела у себя совершенно полные и однообразные месяцесловы». Словом, как видим, ко времени принятия нашими предками христианства церковь восточная имела общий полный месяцеслов, и есть основания заключить, что в это время он составлял уже одну из важных принадлежностей церковно-богослужебной жизни.

Получив такое значение в религиозном мире, церковный месяцеслов должен был сделаться известным везде, куда только проникало христианство, и входить в употребление.

Христианская вера, утверждаясь в той или другой стране на месте язычества, не могла обойтись без своего месяцеслова. Известно, что по нему определяется время празднования важнейших священных событий, в нем же указываются дни памяти святых, уважаемых в христианской церкви.

Притом нужно заметить, что для распространения его в практике церковной имело большое значение следующее обстоятельство: обыкновенно церковный месяцеслов служил приложением к важнейшим церковно-богослужебным книгам; так, например, в самом кратком виде, в форме простого списка событий и имен, он находился в евангелиях, апостолах, требниках, месячных минеях; в более обширном виде, с кратким описанием праздников и дней святых,— в уставе, Следованной Псалтири; наконец в полнейшей форме, с подробнейшим описанием церковных праздников и жизни святых, он помещался в прологах и особенно в Четьих минеях.

Понятно отсюда само собою, что по мере известности этих книг неизбежно должен был входить в употребление церковный месяцеслов как необходимая их принадлежность.

Откуда первоначально Древняя Русь заимствовала месяце-

слов церковный, на это история не сохранила нам прямых и ясных свидетельств. Во всяком случае, можно думать, что русская церковь получила его от одной из южных стран славянских, которые упредили наше отечество на пути к христианству. За достоверное принимают, что святые просветители славянские Кирилл и Мефодий, отправляясь в Паннонию, еще в Константинополе перевели выборочно на славянский язык евангельские чтения, которые расположены были по неделям на целый год, а следовательно, и на дни, в которые совершались праздники господние, богородичные и святых.

Кроме того, если станем ближе рассматривать древнерусские месяцесловы, то увидим, что в них есть много таких святых, которые могли быть внесены из южнославянских церковных месяцесловов; таковы, например, память свв. Кирилла и Мефодия, обретение мощей св. Климента Римского — праздник, который исключительно принадлежал церкви славянской,— и многие другие. Из этих данных легко предположить, что наши предки получили церковный месяцеслов вместе с другими церковными книгами от Болгарии на языке славянском.

По самому содержанию древний церковно-русский месяцеслов не сразу явился в той полной и определенной форме, в какой его видим ныне. Напротив того, первые церковные наши месяцесловы, насколько можно судить о них по древнейшим памятникам, подобно первоначальным месяцесловам греческим, были очень неполны и однообразны. Так, например, в Евангелиях Остромировом Софийском (1056 г.), Полоцком (XIII или XIV в.), Синодальном (1144 г.), в месячных минеях (XII и XIII вв.), в церковном обиходе (XIII в.), при которых находятся древние церковные месяцесловы, видим, что в них под числами месяцев редко бывают по три, по два святых; напротив того, под большею частью чисел означает одно имя святого или событие; при этом есть немало чисел пустых, под которыми нет никаких указаний.

Только с течением времени, когда в нашей церкви, под влиянием христианской веры, стали являться лица и события, заслуживавшие церковного прославления и чествования, церковь стала вносить их в свои месяцесловы, и в них таким образом стали заполняться указанные пробелы. Так, например, видим, что с

XI в. в древнерусские церковные месяцесловы в число чтимых нашей церковью угодников вносятся: Владимир великий, князь русский, Борис—Роман и Глеб—Давид 1015 г., преподобный Моисей Угрин Печерский 1041 г., Демян пресвитер Печерский 1071 г., Анастасий преподобный Печерский 1073 г., Феодосий Печерский 1074 г. и т. д.

С XI же века в русских церковных месяцесловах являются и церковные празднества, например, освящение храма Великому-ченика Георгия в Киеве 1037 г., перенесение мощей свв. Бориса и Глеба 1072 г. и др. При этом нельзя не заметить, что на развитие древнерусского церковного месяцеслова имело довольно важное влияние состояние письменности у наших предков. В южной Руси, где письменное искусство распространялось успешнее и где вообще было более грамотных писцов, церковные месяцесловы распространялись в большом количестве и по своему содержанию были гораздо полнее и обстоятельнее севернорусских. Первые довольно полные славяно-русские месяцесловы на юге были напечатаны уже в конце XVI столетия, как, например, при Острожском издании Библии 1581 г., в 1591 г. при Краковском часослове Святополка Фиола, при Цетинской Псалтири 1595 г. и других важнейших церковно-богослужебных книгах.

По своему содержанию печатавшиеся в это время на Руси месяцесловы, как на юге, так и на севере, не всегда были однообразны: напротив того, они сильно отличались от месяцесловов греческих, которые служили для них образцами.

В южнорусских месяцесловах святые были показаны в днях и даже месяцах совершенно иных, чем они отмечались по греческим и московским месяцесловам; в них же встречались такие святые, каких не было ни в греческих, ни в московских святцах; нередко случалось — особенно это нужно сказать о частных изданиях церковного месяцеслова южной и северной Руси, — что в них попадались и такие святые, которых нельзя было найти ни в московских, ни в малороссийских месяцесловах. Понятно, что причиной этого разнообразия послужило раздробление древнерусской жизни вследствие удельной системы. Отделяя древнерусские области одну от другой и обособляя их между собою в гражданском отношении, удельная система способствовала разъединению их и в церковно-народной жизни.

В период господства удельной системы почти всякая область, почти всякий важнейший город имели местную святыню в виде, например, святых икон или особых покровителей в лице святых угодников христианских, особенно отечественных. Так, например, один древний русский летописец замечает: «Псков и Великий Новгород блажит Варлаама и Михаила юродивого Христа ради, Смоленск блажит князя Феодора, Московское же царство блажит Петра, Алексия, Иону и иных множество, Ростов блажит Леонтия, Игнатия, Исаяю, Вассиана и Ефрема, Вологда бо блажит преподобного Димитрия и иныя тамо сущия многия, каяжда страна своих блажит».

Наши предки особенно дорожили этим местным священным достоянием и нередко старались даже соперничать в почитании своих областных святынь, как, например, это делали Новгород, Москва, Суздаль. Впрочем, что касается этих частных церковно-народных областных святынь и местных церковно-народных угодников, то мы не думаем разбирать их в своем рассуждении, так как для его цели достаточно будет исследовать главнейшие и более общие церковно-народные праздники и дни памяти церковно-народных святых. Притом нельзя не заметить, что с падением удельной системы, когда древнерусские области стали сливаться в одно целое и начали группироваться около нескольких общих центров, куда стекалось все священное и заветное, само собою стало сглаживаться и уничтожаться господствовавшее до тех пор разделение в церковно-народной жизни. Следствием этого явления было то, что и церковные наши месяцесловы к XVI и XVII столетиям стали приходить к большему единообразию и полноте и приближаться по своему содержанию к той форме, в какой мы видим их в настоящую пору в более известных церковно-богослужебных изданиях, печатаемых в Москве, Киеве и других местах.

Но обратимся к древнерусскому быту и спросим себя: имели ли наши предки в эпоху дохристианскую свой собственно народный месяцеслов? Правда, что на какой бы степени развития народ ни находился, мы не можем отказать ему в понятиях о времяисчислении, которое всегда ему необходимо для общественных, религиозных и хозяйственных потребностей. На этом основании мы имеем право думать, что и предки наши, народ,

занимавшийся торговлею, любивший земледелие и имевший политические связи с соседями, должны были иметь известные понятия о разделении и счислении времени, без которого они не могли обойтись как в своей общественной жизни, так и в быту домашнем. Предположение это кажется тем более вероятным, что в пользу его можно найти некоторые исторические указания.

Во-первых, почти все исследователи древнерусского быта находят, что наши предки, подобно персам, литовцам и другим народам древности, начинали свой год с месяца марта; русский бытописатель, преподобный Нестор начал свою «Повесть временных лет» с марта месяца 6360 г. от сотворения мира, отчислив шесть месяцев 6360 г., протекших с сентября до марта, к прошедшему 6359 г.: нет сомнения, что, начав счет первого 6360 г. с месяца марта, преподобный Нестор следовал в этом случае древнерусскому летосчислению мартовскому.

Во-вторых, у наших предков были особые славянорусские названия для всех месяцев, из которых состоял год; названия эти особенно замечательны в том отношении, что они очень ясно выражали особенности того времени, к которому относились, и заимствованы были частью от явлений природы, частью от сельскохозяйственных занятий и других обстоятельств древнерусского народного быта. Объяснение этих названий славянорусских месяцев мы представим в своем месте в нашем церковно-народном месяцеслове.

Но соотнося эти исторические указания с содержанием русского церковно-народного месяцеслова, едва ли можно думать, что древнерусское времяисчисление было вполне систематично и точно, подобно, например, римскому. Напротив того, основательнее будет предположить, что оно ограничивалось слишком общими месяцесловными данными, которые заключались в народных наблюдениях и приметах, добытых нашими предками в течение векового опыта.

Известно, что, находясь в тесном контакте с окружающей природой, русский народ особенно любил всматриваться во все ее явления, замечать происходящие в ней перемены, по которым он делал свои выводы и заключения; они-то и служили для него живым и ходячим месяцесловом, выразившимся в форме

народных пословиц и поговорок. Но так как весь этот запас отдельных наблюдений и замечаний трудно было доверить памяти народной, то предки наши и обратили внимание на церковный месяцеслов, к которому легче и удобнее всего было привязать все эти приметы и наблюдения. Такое применение церковного месяцеслова к древнерусской народной жизни было очень естественно, так как все почти нововведения христианской веры приходились довольно по нравам и характеру наших предков и в большей части случаев довольно успешно входили в общественную и частную жизнь их.

Известно, что со временем, по мере утверждения и распространения на Руси христианства, все почти стороны общественной и частной жизни получили особенный отпечаток церковности, которая послужила характеристическою чертою значительного периода в истории русской до Петра Великого. Одним из таких следствий всеобъемлющего влияния христианской церкви на жизнь древнерусского народа было приурочение к общественному и частному быту древнерусскому церковного месяцеслова. В этом случае, как увидим, он получил самое широкое применение в жизни народной. В нем, с одной стороны, выразились элемент церковный с его праздниками, чествуемыми особенно святыми и некоторыми установлениями, а с другой — элемент чисто народный с его понятиями, верованиями, обрядами и поверьями, и наши предки таким образом нашли для себя возможность вести свое годовое времяисчисление не по одним сухим отвлеченным числам месяцев, а напротив того — по дням памяти чествуемых христианскою церковью святых и другим церковно-народным событиям.

Что касается сущности применения, какое именно получил церковный месяцеслов в древнерусской народной жизни, и того, до каких размеров это применение дошло в своем дальнейшем развитии, мы увидим это, когда будем разбирать подробно содержание древнерусского церковно-народного месяцеслова, а пока только постараемся указать начало такого применения.

Для того чтоб яснее видеть употребление древнерусского месяцеслова на деле, обратим внимание на то, как древнерусские летописцы пользовались в своих трудах церковным месяцесловом для обозначения месяцесловных данных. Описывая

современные им события древнерусской жизни, наши летописцы не отмечают их так, как это делается у нас ныне, одними названиями месяцев и чисел, в какие они происходили, а непременно присоединяют к тому еще особые указания вроде, например, имен святых, какие приходится на известный день, или церковных праздников, совпадающих с этими событиями. Так, например, читаем в летописи: «Поставлен бысть (на епископство Иоанн) месяца генваря в 23 день, на память св. мученика Климента епископа, а в Ростов пришел на свой стол месяца февраля в 25 день на память св. отца Тарасья... а в Володимиршел того же месяца в 16 день, в пяток на канун св. Олексея человека Божья и друга Божья Лазаря. Того ж лета родился у благоверного и христолюбивого князя Всеволода сын, месяца февраля в 8 день, на память св. пророка Захарьи... Того ж лета заложи благоверный и христолюбивый князь Всеволод Юргевич град Переяславль месяца нуля в 29 день, на память св. мученика Каллиника». — «Иде Святослав, сын Всеволожь, княжить Новгороду месяца декабря в 12 день на память св. отца Спиридона» и т. д. Или еще: Изьяслав Мстиславич «вниде на Переяславль на Госпожин день», то есть 15 августа.

Весьма часто также, кроме указанных дополнений к месяцесловным данным, наши летописцы прибавляют и другие определения из церковного месяцеслова, которые, в свою очередь, служат как бы для большей точности при означении времени известного события. Так, например, в летописях замечается: «Того же лета бысть пожар велик в граде Володимире месяца нуля в 25 день на память Успенья святыя Анны, в день субботный». — «Сиже злоба склучися месяца нуля в 20 день на память св. пророка Ильи огньнаго всхоженья». — «В лето 6735 месяца марта в 14 день, на память св. преподобного отца Венедикта, в день воскресенья Господня, в преполовление св. поста, еда творим поклоненье Честному Кресту, поставлен бысть епископом Митрофан». — «Того ж лета месяца майя, в 3 день, на память св. Феодосья, игумена Печерского, в пяток во время св. литургии, чтому св. Еуангелю, в церкви соборней св. Богородица, в Володимире потрясеся земля».

Наконец, очень нередко, когда дело идет о сроке, совпадающем с каким-либо более или менее важным церковным праз-

дником, в летописи отмечается одно название праздника прямо без всякого намека на месяц и число, несмотря на то что иногда праздник этот бывает подвижным: «В лето 6918-е индикта 3-го выиде пресвященный митрополит Фотей Киевский и всея Руси из Царяграда на Киев и приде в Москву на Велик день». — В лето 6947-е Святослав и Юрий «любезно целовастаня в день пятко на Похвалу Богородици». — «В лето 6889-е в праздник Воскресения Господня прииде из Царяграда на Русь пресвященный Киприан митрополит». Словом, приводя месяцесловные данные, наши предки всегда на первый план ставили определения месяцеслова церковного.

Что же касается чисто гражданского времяисчисления по месяцам и числам, то оно считалось у них второстепенным. Но это только начальная и более внешняя сторона применений церковного месяцеслова к народным потребностям в Древней Руси, и притом относящаяся к простейшей форме — церковным святцам.

Что касается дальнейшего и более многостороннего приурочения церковного месяцеслова к древнерусскому быту, то можно сказать, что в этом случае он послужил своего рода рамками, в которые наши предки старались, так или иначе, заправить свои понятия и верования, обычаи и обряды, суеверия и наблюдения. Самые способы, какие древнерусский народ употреблял для этой цели, довольно своеобразны; впрочем, их можно подвести под несколько общих оснований, по которым есть возможность все содержание церковно-народного месяцеслова разложить на части. Оснований этих три: первое из них может быть названо церковно- или народно-историческим, второе — филологическим, или звуковым, и третье — календарным, или месяцесловным.

Церковно-народно-историческое основание в образовании русского церковно-народного месяцеслова выразилось в том, что предки наши многим угодникам христианской церкви приписывали частные, точнее специальные, дары благодати, а разным церковным праздникам и христианским обычаям усвоили особенности из чисто народного быта. Главным основанием такого сближения служили, с одной стороны, церковно-исторические повествования о жизни и чудесах святых, а с другой —

церковно-богослужебные книги с песнопениями и молитвами этим угодникам и другие религиозные сказания относительно разных событий и лиц христианской церкви. Пользуясь этими источниками, древнерусский народ одних святых угодников принял за ходатаев в разных более или менее трудных обстоятельствах своей жизни, другим усвоил охранение домашних животных, иных сделал покровителями разного рода теоретических и практических трудов и занятий, науки, промыслов, ремесел.

Словом, можно сказать, что наши предки всю свою жизнь с важнейшими ее обстоятельствами и предметами старались отдать попечению и заботе тех или других святых, представляя их ближайшими и непосредственными во всем покровителями. Отсюда-то у нас и явились, например, св. Николай Чудотворец — хранитель от всех бед и напастей и от потопления, Пресвятая Богородица Купина Неопалимая — от пожара и молнии, Феодор Тирон — податель украденных вещей и сбежавших рабов, пророк Илья — дождя и ведра, преподобные мученики Мина, Лаврентий, Логин — хранители от болезней очной, преподобный Маруф — от болезни трясовичной, мученики Флор и Лавр — от конского падежа, свв. Модест и Власий — от скотского падежа, свв. евангелисты Иоанн и Лука — покровители живописи, царь-пророк Давид — музыки, праведный Иосиф — столярного дела и т. д.

Что касается народных особенностей в разных обычаях и обрядах христианской церкви, то они преимущественно приурочивались нашими предками к благочестивым установлениям важнейших праздников христианских. В этих случаях церковные обычаи и обряды, особенно действовавшие на благочестивое чувство наших предков, получали различные особенности, которые непосредственно вытекали из народного характера тех или других обстоятельств его жизни. Такими праздниками были: Пасха с обрядом христосования, Пятидесятница с обычаем употреблять в домах и церквях зеленые березовые ветки, неделя Ваий с ее обыкновением освящать ваий и т. п.

Поэтому, желая доискаться основания, по которому известные верования или обряды приурочены к тому или другому святому, тому или другому церковному празднеству, необходимо

обращать внимание на сказания о жизни и чудесах этих святых, на церковные песнопения и молитвы, составленные в их честь, на народные сказания и иконные изображения этих угодников.

Что касается праздников, то следует особенно иметь в виду церковные повествования о них и вообще христианские предания об обрядах, благочестивых обычаях и других особенностях этих праздников. Основываясь на этих данных, можно всегда более или менее верно указать причину, почему тот или другой благочестивый народный обычай приурочен к известному церковному празднеству, то или другое народное верование или представление связано с известным угодником.

Филологическое, или звуковое, основание в образовании древнерусского церковного месяцеслова состоит в том, что наши предки, рассчитывая дни и распределяя занятия по святцам, непонятные для них по происхождению из чужих языков имена святых, названия церковных праздников сближали с разными выражениями отечественного языка, насколько эти последние могли определять характер данного времени и имели отношение к разным сельскохозяйственным занятиям и работам, состоянию времени года, погоды и тому подобным обстоятельствам. В этих случаях древнерусский народ, подобно тому, как это делают и ныне наши простолюдины, далеко не справлялся со значением или смыслом того или другого имени или названия, а старался главным образом найти подходящий к своей простой речи звук или корень в известном слове, часто толкуя его по-своему, слишком своеобразно и желая этим все чужое и иноземное претворить в свое родное, легко доступное его пониманию.

При этом нельзя не заметить, что самую любимую форму для выражения связи своих представлений и понятий наши предки употребляли поговорку или пословицу, связывая ее с известным именем святого звуковым сходством слов или рифмой. Отсюда-то явились в нашем народе такие угодники и праздники церковные, как, например, св. Наум — помощник в обучении грамоте, св. Борис — податель барыша, св. Пантелеймон — Паллий — каратель громами и молнией, праздник обновления Царьграда — распорядитель градом, праздник Сретения — встреча весны с летом. Если древнерусскому человеку представлялось

неудобным и невозможным открыть в подобных случаях звуковое сходство или рифму в словах, то в этих случаях он обращался к объяснению того или другого имени или названия и старался более простым звуковым способом применить к ним свои верования и поверья. Как на образец в этом случае можно указать на связь народных представлений и понятий с именем св. великомученика Георгия — покровителя земледелия, св. апостола Андрея — покровителя выходящих замуж девиц и пр. Отсюда понятно, что для объяснения этой части церковно-народного месяцеслова, построенной на филологическом, или звуковом, основании, нужно прежде всего обращать внимание на самую форму, в какой выражается известное верование и представление, имеющее связь с именем святого или с названием церковного праздника, и следить за народным толкованием этих имен и названий и отношением их к народным пословицам, поговоркам и разного рода замечаниям.

Месяцесловное, или календарное, основание в развитии нашего церковного месяцеслова выказалось главным образом в совпадении разных сельскохозяйственных занятий и работ, чисто народных праздников и обрядов с днями памяти святых и праздниками христианской церкви. Благодаря этому чисто случайному сближению у наших предков явления первого рода приурочивались и связывались с последними, несмотря на то что между ними далеко не могло быть никакой связи. Здесь, с одной стороны, нельзя не заметить, что русский народ самым непосредственным образом был связан с окружающей его природой, занимаясь земледелием, пастушеством и другими сельскими промыслами; он любил и самое время определять срочными занятиями и другими обстоятельствами сельскохозяйственного быта. Что касается более точного астрономического счисления времени, то оно с трудом давалось нашим предкам (без него, впрочем, как известно, живут и доселе наши простолюдины).

Начиная свои определенные в году занятия, русский люд особенно часто обращался с молебнами и частными молитвами к святым, которых память праздновалась в эти дни, прося их помощи и содействия в разных предприятиях; оканчивая свой труд, он благодарил совпадающих с этим временем угодников за счастливый успех и исход своих занятий.

Благодаря такому стечению частных явлений и обстоятельств сельскохозяйственной жизни святые угодники эти становились в глазах народа как бы покровителями и помощниками разных хозяйственных занятий, сельских промыслов, полезных для человека домашних животных, часто даже самых незначительных принадлежностей сельскохозяйственного быта. Таким-то образом у нас явился целый ряд святых, которым приданы были особенные, чисто народные эпитеты и прозвания, как, например: св. Конон — грядар, Еремей — распрягальник, св. мученица Мавра — рассадница, св. Акулина — гречишница, св. Василий — покровитель свиней, св. Никита — гусей, свв. Анастасия и Авраамий — овец, св. Татьяна-крещенская, св. Акулина — полузимница и т. п.

С другой стороны, жизнь древнерусского народа особенно была богата многими праздниками, увеселениями и обрядами, которые очень были дороги и близки его сердцу, так как вытекали из чисто народного духа. Не желая лишиться их, а, напротив того, стараясь, насколько это было возможно, помирить и как бы приспособить их к требованиям христианской религии, наши предки наблюдали совпадение их с днями памяти святых угодников и важнейших праздников христианской церкви и старались на этом основании приурочить первые к последним. Таким образом, в нашем церковно-народном месяцеслове являются многие святые и некоторые праздники церковные с видимым отпечатком древнерусской и народной мифической старины, как-то: св. Агрипина-купальница, св. Иоанн Креститель — Иван Купала, св. Илья-громовник, Рождество Христово — коляда, Рождительская суббота, Масленица, Фомин понедельник, Семик — дни, посвященные чести умерших, праздники: Благовещение, Пасха, Богоявление, Троицын день, Петров день со своими чисто народными особенностями.

Поэтому при объяснении этой части церковно-народного месяцеслова необходимо прежде всего обращать внимание на то, какое имеют отношение, по времени своего празднования, дни христианских святых к тем или другим обстоятельствам сельскохозяйственного быта.

Затем нужно иметь в виду, не имеют ли дни святых и праздники чисто церковные, по своему месяцесловному расположению,

какой-либо связи с древнерусскими, чисто народными празднествами, и особенно: не совпадают ли с ними во временах года, частях месяца, числах и днях. Руководствуясь этими данными, всегда можно более или менее верно указать начальную причину, по которой известные верования и обряды, суеверия и обычаи, приметы и разные наблюдения древнерусского народного быта приурочены были к дням святых, к праздникам чисто церковным.

Впрочем, что касается того, как следует пользоваться тремя вышеуказанными основаниями при исследовании церковно-народного месяцеслова, то нельзя не заметить, что они не могут быть строго разграничены в своем употреблении; не следует представлять, чтобы, например, одно из этих оснований прилагалось совершенно отдельно в одном случае, другое — в другом и т. д. Образование древнерусского церковно-народного месяцеслова шло путем народного творчества; оно действовало в этом случае совершенно свободно и своеобразно, преследуя только главную цель — так или иначе применить к церковному месяцеслову близкие для себя представления и понятия, обычаи и обряды. Поэтому, что касается важнейших церковно-народных святых и праздников, то, говоря о них в своем месте, увидим применение почти всех трех указанных нами способов. Это особенно нужно заметить о таких содержательных по своему предмету церковно-народных праздниках и днях памяти святых, как, например, Пасха, Рождество Христово, Покров Пресвятыя Богородицы, день св. Георгия Великомученика, мученицы Параскевы Пятницы, пророка Ильи и др.

Время, когда образовался древнерусский церковно-народный месяцеслов, тоже нельзя ограничить строгими пределами, так как развитие его не было вызвано одними временными обстоятельствами. Из летописных указаний, какие были приведены нами выше, видно, что наши предки весьма рано стали применять собственно церковный месяцеслов к своим общественным и частным потребностям; при самом же исследовании его содержания увидим, что церковно-народное времяисчисление довольно развито в нашем простом народе и доселе. Впрочем, говоря подробнее об истории древнерусского народа, можно отметить века, которые своими особенными явлениями и обсто-

ятельствами имели важное значение для развития древнерусского церковно-народного месяцеслова. Такими особенными были XV, XVI и XVII столетия. Господствующим направлением этого времени у нас, как и на западе в средние века, была особая склонность видеть в сказаниях о жизни и чудесах святых как можно более чудесного, поразительного; вследствие того жизнеописания эти подверглись всевозможным переделкам, и притом к содержанию их примешивались различные прикрасы чисто легендарного характера.

Кроме того, у наших предков в этом периоде, как и у многих западных народов в средние века, получила особенное развитие идея о покровительстве святых разным отраслям человеческих знаний, о влиянии их на занятия и промыслы людей, о подчинении им разных сил и явлений окружающей природы. Под влиянием этих исторических обстоятельств сложились в развитии древнерусского народа разнообразные элементы, которые, как увидим, и составили содержание древнерусского церковно-народного месяцеслова. Впрочем, что касается этого явления в церковно-народном быту русском и самой формы, в какой оно выразилось, то оно далеко не было таким только у нас. Если обратим внимание на ход исторического развития церковно-народной жизни западных и южных народов Европы, то увидим, что следствием подобных же исторических условий у них были такие явления, которые по своему содержанию и форме очень близко подходят к русскому церковно-народному месяцеслову.

У немцев, например, в XVI столетии известно было немало святых, которые, по народному верованию, обладали особенными, так сказать специальными духовными и телесными дарами благодати, и чествование которых со временем обратилось в систему священнослужения, против чего с особенною силою восставал Лютер. Верования эти в святых носили на себе весьма сильный отпечаток народного немецкого характера и проявлялись в самой тесной связи с народным словом, так что большею частью разные дары благодати приписывались известным святым по звуковому сходству названий болезней и других отвлеченных понятий с именами самих святых: Тоний (по созвучию с Антонием), по народно-немецкому верованию, избавляет от

пламени, Рахий (от Rache) — от мщения и гнева Божия, Бастиан (Pest) — от заразы, Валентин (Fallen) — от падучей болезни, Винцентий (finden) — помогает отыскивать пропажи, св. Лаврентию нужно поститься для безопасности от пожара.

«В день, посвященный его памяти,— замечает Лютер,— не терпят в домах и искры огня, а разводят его в другом каком-либо месте и там готовят кушанье и умствуют так: святой, испеченный на железной решетке, заметив огонь, вспоминает страдания свои и наказывает хозяина. Служением своим,— продолжает тот же обличитель,— мы дошли до того, что отнимаем у Бога власть казнить нас огнем и водою. Мы имеем икону Флориана, изображенного выливающим воду на горящий огонь: больше знать нам ничего не нужно; мы придаем его в товарищи св. Лаврентию.

Св. Лудовик когда-то при жизни из дурного пива сделал хорошее,— по смерти мы назначаем его пивоваром и не уделяем ему другого занятия. В сказании о св. Анне нам особенно нравится то, что она доставляет богатство; мы не стали б уважать ее, приходящую к нам с пустыми руками. Из всего жития ее мы выбрали только одно обстоятельство, что она обедневшему игроку возвратила богатство. По крайней мере, вместе с земными мы просили б у нее благ духовных,— нет, мы говорим, что у нас много святых, наделяющих духовными благами, а у св. Анны попросим земных. Скупцы имели своего бога — св. Еразма; беременные женщины обращались к св. Маргарите; она была их богиней; она могла даровать им плод чрева и обратить во благо болезни деторождения. Они думают: до Бога высоко, он меня не услышит, а Маргарита поможет, потому что она заслужила это страданиями. Суеверный воин поклоняется св. Марку, помощнику в бранях; свв. Юлиании и Отилии молятся от глаз, больные глазами только и уважают их; св. Аполлония лечит зубную болезнь, а никто не думает о ее продолжительном девстве и пламенной вере; св. Схоластика повелевает громами. Всякое ремесло и сословие имеет особенного покровителя между святыми: золотари — св. Евлогия, сапожники — свв. Кристина и Киприана, суконщики — св. Севера, живописцы — св. Луку, врачи — свв. Кузьму и Дамиана, юристы — св. Ивана, учащиеся — св. Екатерину. Разделяя земные попечения между святыми, мы восставляем пантеон, но в чем же состоит служение им:

на добрые дела и на веру их мы не взираем. Никогда столько не отчуждаем мы сердца от Бога, как в эти священные дни; мы проводим их, как римляне проводили свои сатурналии и вакханалии: сидим до позднего утра, играем и пьянствуем, язычники не почитали так своих идолов!»

У поляков есть свои церковно-народные святые и праздники, которым приурочиваются известные народные верования и особенные обряды, как-то: св. Флориан хранит от пожара, св. Антоний Падуанский — от потери, и потому ему молятся о возвращении украденного, св. Николай известен как покровитель детей — он будто бы приносит им подарки и подкладывает ночью под голову; св. Валентин считается защитником от падучей (padlisy, powalenia) болезни; оттого поляки, бросая кровь, приговаривают: «Hej! Swiety Walenty Wypuszcza z krwi trefy; в честь Matki Boskiej Zielnej»¹, 3 августа, в Польше святят в костелах цветы, а накануне этого праздника совершается земледельческий праздник Okrezne; в день св. Wawrzynca, 10 августа, благословляется мед, и при этом замечают: przez przyczynę swietego Meczennika chron Boze pszczelnik od szkodnika. Равным образом поляки, как и наши предки, к именам и дням многих святых имели обыкновение приурочивать разные сельскохозяйственные приметы и наблюдения: 18 января: Dzis swietego Pryska, przebiję lód pliska; 21 января: Agnieszka laskawa, puszcza skawronca z rekawa; 25 января 0 sw. Dorocie, wyschna chusty na płocie; 14 февраля: Na sw. Walka, niema pod lodem balka; 24 февраля: sw. Maciej zime, traci lub bogaci; 28 февраля: Na sw. Grzegorza, ida rzeki do morza; 12 марта: sw. Grzegorza Gre-gregory, póidzcie dzie ci do szkoły; 11 апреля: sw. Wojciecha, Kiedy grzmi w swieto Wojciecha, rośnie rolnikom pociecha; 13 апреля: Nasw. Marka, późny siew owsa, a wcześna tatarka; sw. Marek, wrzóci do wody ogarek (не работают при свече); 4 мая: sw. Zofia, klosy rozwija; 27 мая: Od sw. Medarda, czterdzieście (дождь); 3 июня: sw. Wit, słowik cyt (молчи); 25 июня: Jak ciepły sw. Jakób, tak zimne Boze Narodzenie; 25 июля: Od sw. Anki, chłodne wieczory, poranki; 10 августа: Na sw. Wawrzynca ida orzechy do wienca; 12 августа: sw. Bartłomiej śniadanie przytłomi (теперь перестают челяди при работах давать завтрак); Na sw. Bartłomien — już rece

¹ См. перевод на с. 193.

na płomien; 2 сентября: Na sw. Krzyż, owce strzyż; 9 сентября: Po sw. Mateuszu, każdy kiep wikapeluszu; 17 сентября: sw. Michał, wiechy pospuchał (пасут на полях), Grzmot w swięto Michała będzie żywność Bogu chwala; 4 октября: sw. Gawła Urbanow owies (25 мая) Gawsowe żytko, kata warte wszystko (по причине слишком поздней свадьбы); 9 октября: sw. Urszula, perły rozsula (роса); 18 октября: sw. Łukasz, czego po polu szukasz; 30 октября: sw. Marcin na białym koniu jedzie (падает снег) sw. Marcin po łodzie Boże Narodzenie po wodzie; 22 ноября: Na swięto Barbarki — najlepsze tarki; 25 ноября: sw. Katarzyna, Advent zaczyna; 27 декабря, св. Степана (Szczepana): Na Swięty Sceron, każdy le pop (мазовецкая поговорка по случаю расчетов и новых наймов прислуги у хозяев). О Вознесении поляки замечают: Na Niebowstąpienie, Pan Bog — w niebo, robak w miasto, kwas — w pićwo, a diadel w bade (будто чаровницы наводят град).

У чехов тоже к некоторым праздникам церковным и дням святых приурочиваются подобные поговорки: 2 февраля чехи замечают: Przejdou Hromnice, konec sannice; 12 марта: Na sv. Rehorze, zába hubu otevře (или cíp leti od more); 26 июня: sv. Burjan krupobitím při panujících toho casu bourkách; 16 октября: Szimona Judi, zima je vsudy; 18 октября: Na sv. Lukáše hojnost chleba i kasze; 11 ноября: Kliment zimu oblubuje ji sv. Petr (22 unora) ucezuje¹.

Болгары имеют своих церковно-народных святых, которые, по народному верованию, оказывают благотворное влияние в разных обстоятельствах жизни человека: св. Евтимий считается покровителем юнаков (героев) и молодых людей; о св. Харлампии болгары думают, что он взаперти держит моровую язву; св. Власий охраняет домашний скот от волков и болезней; св. Пантелеймон называется путником и хранит отправляющихся в дорогу; по народному болгарскому верованию, этот же угодник является карателем громами и молнией тех, которые в день его памяти занимаются работами; св. Екатерина почитается покровительницей беременных женщин; св. Димитрий — покровителем скота; св. Андрей отгоняет зиму и длинные ночи; о свв. Варваре, Савве и Николае болгары замечают: «Варвара

¹ См. перевод на с. 194.

вари, Сава меси, а Никола яде. Свети Герги лято носи, а свети Димитър зима».

У сербов св. Димитрий и великомученик Георгий почитаются покровителями юнаков (героев); эти святые рыцари ездят всегда верхом и носят длинные копыя; кроме того, св. Димитрий, по народному сербскому верованию, наказывает злых духов, нехороших сыновей и прогоняет разбойников; св. Николай Чудотворец считается подателем плодородия; ему же молятся перед началом всякого дела; св. Власий защищает домашний скот от болезни и волков; св. Мария — от молнии, св. Пантелеймон хранит дождь. Проклиная кого-либо, сербы приговаривают: «Убио га Бог и света Петка Параскевија». О дне свв. Варвары, Саввы и Николая, 4 декабря, сербы говорят: «Варварица вари, а Савица хлади; Николица куси»; св. Илья, по народному сербскому верованию, бросает шип (копье); когда падает молния, то она поджигает «Врьтоломея»; о дне св. Луки, 18 октября, сербы замечают:

Свети Лука
У нокте ука.
Од светог Луке
Тур'у њедра руке¹.

Очевидно, что если бы мы набрали и более подобного рода данных и принялись объяснять их порознь, то увидели бы здесь на деле применение тех оснований, какие замечены нами в образовании и развитии русского церковно-народного месяцеслова. Отсюда нельзя не видеть, что, кроме наших предков, многие народы западно- и южноевропейские имели свои церковно-народные месяцесловы, которые также во многом сходны были с древним церковно-народным месяцесловом русским.

Сделав эти предварительные замечания относительно предмета нашего рассуждения, мы можем теперь приступить к исследованию его содержания.

Для изложения нашего предмета представляется два способа.

¹ Святой Лука
Дует на руки
После святого Луки
Руки запазуху прячут.

Мы можем разложить содержание церковно-народного месяцеслова по трем вышеуказанным нами основаниям, по которым совершилось постепенное историческое его развитие, или представить содержание его в форме собственно месяцесловной, следуя обыкновенному порядку месяцев и чисел круглого года. Последний способ кажется нам более удобным, так как, пользуясь им, можно гораздо яснее и полнее изложить содержание нашего предмета. И потому, руководствуясь им, изложим прежде неподвижную часть своего месяцеслова в порядке месяцев, с сентября, которым начинается церковный год, а затем перейдем к изложению подвижной его части, которую расположим по церковной пасхалии.

Сентемврий — Рюинь

Сентемврий, девятый месяц в году, у римлян был седьмым, отчего и получил свое название (от *septem*). В старину коренным славяно-русским названием месяца сентемврия был рюинь, от рева осенних ветров и зверей, особенно оленей; это название месяца сентемврия можно встретить в древних наших месяцесловах и святцах. Ныне простой народ называет этот месяц по-своему — ревуном от древнего рюинь. Известно, что на первых порах месяц сентемврий был у нас по порядку седьмым в году месяцем, но в 1342 году, при митрополите Феофане, возникло прение о начале года, и собором в Москве решено было начинать как церковный, так и гражданский год с месяца сентемврия. В 1505 г. последовало новое подтверждение праздновать церковно-гражданский год с этого же месяца. Именно собор, созванный в это время относительно еретиков, подтвердил начинать новый год индиктом 1 сентемврия. Вводя эту перемену в свое времяисчисление, церковь наша имела в виду пример греко-восточной церкви. Последняя установила празднование новолетия с 1 сентемврия в память победы, одержанной Константином Великим над врагом своим Максентием, жестоким гонителем христианства. Что касается, впрочем, народа, то ему трудно давалось новое времяисчисление, так как исстари он привык начинать свой год с марта. Поэтому, тогда как церковно-гражданский год начинался с месяца сентемврия, предки наши в частном, особенно сельскохозяйственном быту, долго считали начало года по-старому с месяца марта.

1-й день — преподобного Симеона Столпника¹.

Наши предки особенно любили чествовать его память как

¹ Все даты в настоящем издании приводятся по старому стилю. (Прим. ред.)

летопроводца. Известно, что Борис Годунов, желая ознаменовать новолетие вступлением своим на престол русский, соорудил в память Симеона Летопроводца храм в Москве. Очевидно, что название летопроводца преподобный Симеон получил у нас от того, что в день его памяти наши предки оканчивали и провожали лето.

В Мирском Потребнике 1639 г. уже находим особенный чин летопровождения или нового индикта; сей чин, или обряд, состоял в следующем: местом его совершения обыкновенно назначалась Ивановская площадь в Москве, между Архангельским и Благовещенским соборами. Здесь в самой величественной обстановке патриарх в присутствии царя и народа совершал молитвословие о благословении наступающего лета, и затем все присутствующие взаимно приветствовали друг друга с началом года.

После этого молитвенного торжества предки наши старались ознаменовать начало года делами благотворительными. Люди богатые считали долгом посылать нужное для призрения живущим в странноприимных домах; другие, менее достаточные, раздавали милостыню. На Симеона Летопроводца государи русские давали свой личный суд всем имеющим на кого-либо жалобы. Так, великий князь Иоанн III приказывал явиться к себе на суд в день Симеона Летопроводца всем изменникам из Вятки и одних из них простил, а других присудил к казни. Из грамот царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича видно, что монастырским людям и крестьянам назначалось три срока в году ставиться на суд царский, именно: Семен день, Троицын день и Рождество Христово.

Кроме того, в старину на Летопроводца в сельском быту наших предков оканчивались все торговые и хозяйственные дела. Так, например, в писцовых книгах Полоцких читаем, что в 7086 г. по наказу Иоанна Васильевича об отдаче в оброк рыбных ловель и других угодий определялось «платить оброк ежегодно на срок Семена Летопроводца». Наконец, с этим же днем связан был один частный, но тем не менее довольно важный обряд — так называемые постриги и сажание на коня при переходе из младенчества по четвертому году. О нем весьма часто упоминают наши летописцы начиная с 1191 г., когда он

встречается едва ли не первый раз. Самое совершение этого чисто семейного обряда в старину (особенно это нужно сказать о роде княжеском) имело характер церковный. В Первой Новгородской летописи читаем, что обряд пострижения над Ростиславом, сыном князя Михаила, совершался в 1230 г. в Новгороде у св. Софии, и при этом замечается, что постригаемому «уя влас архиепископ Спиридон». Наконец, нельзя не заметить, что в день Симеона Летопроводца в былое время совершался обряд, сам по себе довольно странный и несколько смешной, так называемые похороны мух и тараканов. Происхождение этого обряда объясняется тем, что с наступлением осени насекомые эти сами гибли от холода. По своему содержанию обычай этот несколько напоминает древнее русское почитание Белбога, который был у наших предков — по мнению Снегирева — то же, что древний Веельзевул, бог мух. Он представлялся обыкновенно в окровавленном виде, покрытый весь мухами и другими насекомыми, и относился вообще к божествам добрым. Естественно, что, когда начало года перенесено было с сентября на январь, самый день Семена Летопроводца должен был потерять прежнее свое значение. В настоящее время он большею частию известен в народе под именем Семенова или Семена дня. Ныне с Семена дня в простонародье начинаются так называемые засидки, т. е. начинают засиживаться над разными работами при огне, который для этого особенным образом добывают в настоящий день из дерева и называют обыкновенно новым огнем. Нередко день Семена простой люд называет Бабыим летом, так теперь начинаются разные сельскохозяйственные работы, например, трепание пеньки, мочение льна и т. п., которые обыкновенно производятся женщинами на открытом воздухе и составляют для них сравнительно с страдными летними трудами довольно легкие занятия.

2-й день — св. мученика Мамонта.

Предки наши называли этого мученика Мамонтием и поручали его покровительству овец и особенно коз. Так, древние русские странники-богомольцы, между прочим, пели о св. Мамонтии:

Содержание

И. П. Калининский Церковно-народный месяцеслов на Руси 5

Предисловие	7
Сентябрь — Октябрь	27
Октябрь — Ноябрь	36
Ноябрь — декабрь	51
Декабрь — январь	61
Январь — февраль	79
Февраль — март	88
Март — апрель	99
Апрель — май	110
Май — июнь	124
Июнь — июль	132
Июль — август	143
Август — сентябрь	151
Переходящие праздники и недели	161
Заключение	191
Перевод иностранных выражений	195

Календарь народных примет, обычаев и поверий на Руси 197

Январь	199
Февраль	200
Март	201
Апрель	203
Май	205
Июнь	207
Июль	209
Август	212
Сентябрь	214
Октябрь	216
Ноябрь	218
Декабрь	220

Переходящие праздники	222
Святки	224
Масленица	250
Великий пост	269
Средокрестие	270
Вербная неделя	272
Страстная неделя	274
Пасха	277
Радуница	283
Красная горка	284
Фомина неделя	290
Преполовление	291
Вознесение	292
Семик и Троица	295
Духов день	308
Словарь устаревших и диалектных слов	312

Жития святых 321

Житие святого отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского	323
Житие святого апостола Тимофея	348
Житие преподобной матери нашей Ксении, в мире Евсевии	353
Житие святого Никиты, епископа Новгородского	366
Житие святого отца нашего Тарасия, архиепископа Константинопольского	370
Житие и страдание святой преподобномученицы Евдокии	385
Житие преподобного Алексия, человека божия	418
Житие преподобной матери нашей Марии Египетской	427
Житие и страдание святого пророка Иеремии	445